

ИЦХОК ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ (1851-1915)

Ицхок Лейбуш Перец родился в 1852 году в Замостье, Люблинской губернии, ныне Замосць, Польша в семье торговца, убежденного противника хасидизма. С трех лет учил Тору, с шести — Талмуд, с 12-ти — средневековую еврейскую философию и познакомился с каббалой и литературой Хаскалы. Отец приглашал к Перцу учителей ивритской грамматики, русского и немецкого языков. Польский и французский языки Перец освоил самостоятельно. Получив в 14 лет доступ к богатой частной библиотеке, увлекся западноевропейской, русской и польской литературой. Тогда же начал писать на иврите и польском. В 1870 году женился на дочери поэта и математика Г. И. Лихтенфельда (1811–87), поселился в Сандомире, стал совладельцем пивоварни, но вскоре разорился, брак распался, и в 1876 году Перец уехал в Варшаву. К этому времени в журнале «Ха-Шахар» появилось сатирическое стихотворение Перца на иврите «Шутгафим» («Компаньоны», 1875), но сам автор считал дебютом лирическое стихотворение «Ли омрим» («Мне говорят», 1876; там же). В 1877 году вышел сборник «Сиппурим бе-шир ве-ширим шоним» («Рассказы в стихах и разные стихотворения», Варшава), составленный из стихов Перца и его бывшего тестя. Перец считал свои стихи в этой книге творческой неудачей. В том же году он вернулся в Замостье, женился на Нехаме-Рахель (Хелене) Рингельхейм, хотел открыть ивритскую школу, но этому воспротивились ортодоксальные круги. Перец стал совладельцем мельницы, однако вскоре, используя возможности, которые давало введение на территории Польши в 1876 году судебной

реформы, сдал экзамены на право заниматься адвокатурой и в 1878 году открыл процветающую юридическую контору. Много писал на иврите и идиш, но сжигал написанное, и лишь его злободневные куплеты распевались как народные песенки.

Погромы начала 1880-х годов побудили Переца начать перевод на идиш книги Иехезкеля и создать несколько язвительных песен на идиш в стиле бадханов. Но главное — Перец организовал вечерние курсы для рабочих, привлёкшие некоторых юношей из среды хасидов. Через полгода курсы из-за противодействия ортодоксов были запрещены властями, а Перец прослыл социалистом. Долгое время он жил в отрыве от литературной среды, поддерживал дружбу лишь с А. Я. Паперной (у которого в Полоцке жил старший сын Переца) и только в 1886 г. дал в журнал Н. Соколова «Ха-Асиф» два стихотворения и первые прозаические опыты на иврите. До 1888 года Перец не слышал о Шалом Алейхеме, а произведения Менделе Мохер Сфарима читал в переводе на польский. В те годы Перец считал литературным языком евреев иврит, в идиш видел средство приобщения простого люда к историческим и естественнонаучным знаниям, а перспективу еврейской жизни — в переходе евреев на язык страны их проживания. Но он настолько увлекся литературным творчеством на идиш, что запустил адвокатскую практику, и недовольные клиенты стали писать доносы на Переца как на распространителя социалистических идей, что привело к лишению его в 1889 году права вести судебные дела. Перец поселился в Варшаве и полгода участвовал в статистической экспедиции по определению продуктивности еврейского населения (описал в «Билдер фун а провинцрайзе» — «Картины путешествия по провинции», Варшава, 1891). С 1890 года и до конца жизни занимал ради заработка должность делопроизводителя еврейской общины города, совмещая службу с литературным творчеством.

В 1888 году в ежегоднике Шалом Алейхема «Ди идише фолксбиблиотек» появилось первое в печати произведение Переца на идиш — новая по жанру повествовательная сентиментально-ироническая поэма-баллада «Мониш» (о романе местечкового юного талмудиста с дьяволицей Лилит и о его похождениях в аду). В 1889 году в том же ежегоднике были напечатаны рассказы Переца «Дер хелмер меламед» («Хелмский меламед»), «Янкеле-песимист», «Венус ун Шуламис» («Венера и Суламифь»), а в журнале И. И. Линецкого «Дер клейнер векер» — новелла «Дер тонес» («Пост»). При содействии Я. Динезона и с его предисловием в 1891 году вышел в свет сборник рассказов Переца «Баканте билдер» («Знакомые картины») о нищете и убожестве жизни в черте оседлости. Рассказы отмечены сатирическими интонациями,

радикальной социальной ориентацией, яркостью народной речи. В 1890-х годах Перец публиковал свои рассказы, стихи, критические и научно-популярные очерки в издаваемых им альманахах «Ди идише библиотек» («Еврейская библиотека», тт.1–2 — 1891, т.3 — 1895, т.4 — 1904), «Литератур ун лебн» («Литература и жизнь», 1894, совместно с Д. Пинским), а также в своих «Ионтев блетлех» («Праздничные листки», выпуски 1–17, 1894–96), которые сыграли значительную роль в развитии еврейской общественной мысли. В полемических статьях и в рассказах Перец выступал против антисемитских инсинуаций и в то же время обнажал уродство фанатизма («Мекуболим» — «Каббалисты», 1894; «Ди фруме кац» — «Благочестивая кошка»), безответной покорности («Бонце-швайг» — «Бонця-молчальник», 1894), беспочвенной веры в удачу («Халоймес фун а хин» — «Мечты курицы»), бесправия женщины («А фарштертер шабес» — «Омраченная суббота», 1892) и т.п. Вместе с тем Перец, не впадая в сентиментальность, показывал красоту взаимной преданности («Шолем-баис» — «Семейное счастье», 1891) и нравственность искренней любви («Ин келер-штуб» — «В подвале»). В новеллах Переца, остроконфликтных, с динамичным развитием действия, внесших в еврейскую литературу черты западноевропейского стиля, судорожный, разорванный диалог часто глубже раскрывает внутренний мир персонажей, чем описание. Порой автор строит весь рассказ на речи героя, ведя повествование то в форме монолога («Дос штраймл» — «Шапка благочестивого», 1894; «Хасене гехат» — в русском переводе «Как меня выдали замуж», 1895), то в форме переписки персонажей («Вебер-либе» — «Любовь ткача», 1897; «Хоиша морас Хана» — «Госпожа Хана»). В «Ионтев блетлех» Перец пропагандировал идеи просвещения и социальной справедливости. Вместе с Д. Пинским он посещал рабочие сходки, за что в 1899 году был арестован и провел несколько месяцев в заключении.

Вплоть до конца жизни Перец продолжал писать и на иврите, перевел с идиш на иврит ряд своих произведений, в 1894 году издал необычный для литературы на иврите тех лет сборник лирических стихов «Ха-‘угав» («Орга‘н»), написанных под влиянием Г. Гейне, и подобный по замыслу «Ионтев блетлех» публицистический выпуск «Ха-хец» («Стрела»).

К началу 1900-х годов Перец наряду с Менделе Мохер Сфаримом и Шалом Алейхемом становится виднейшим писателем на идиш. Его дом превращается в литературный центр, место встреч для многих начинающих писателей. Одновременно с увлечением неоромантизмом и символизмом Перец все глубже проникает во внутренний мир личности, а обличительно-реалистический элемент в его творчестве отступает на

задний план. В этот период он создает две серии мастерских рассказов — «Хасидиш» («Хасидские рассказы», 1900) и «Фолкстимлихе гешихтн» («Народные предания», 1904–1909; вышли в переводе автора на иврит под названием «Ми-пи ха-‘ам» — «Из уст народа», 1918, посмертно). Перец писал в частном письме (1911), что он никогда не жил среди хасидов и только однажды видел цаддика. Не будучи приверженцем идей хасидизма и не замыкаясь в рамках фольклора, Перец использовал хасидские легенды и народные предания для творческого воплощения своих идей и чаяний, находя в жизни и вере бедных, необразованных и внешне мало примечательных людей нравственную красоту и величие («Дос глезл» — «Стекляшка», 1910; «Дем ребнс цибек» — «Чубук рабби»; «Ибер а шмек табак» — «За понюшку табаку», 1906, и другие).

Перец ввел как жанр в литературу на идиш стихотворную драму. Написанная в 1903 году на иврите драма Перца «Хурбан бейт цаддик» («Разрушение дома праведника») послужила первоначальной версией его драмы на идиш «Ди голдене кейт» («Золотая цепь», 1909). Помимо нескольких реалистических пьес на идиш он создал две замечательные символические пьесы, написанные белым стихом, — «Бай нахт ойфн алтн марк» («Ночью на старом рынке», 1907) и «Ин полиш ойф дер кейт» («На покаянной цепи», 1909), в которых грань между реальностью и фантастикой, между жизнью и смертью размыта. Первая из этих пьес шла в 1925 году в ГОСЕТе с Ш. Михоэлсом и Б. Зускиным в роли бадханов. Перец обогатил театр на идиш, в первую очередь, драматическими версиями своих рассказов, которые по иронии судьбы ставились на сцене чаще, чем его пьесы. Перец оказался также первым в литературе на идиш поэтом, обращавшимся в стихах непосредственно к детям. Его стихотворные сказки и истории как бы предвосхищают стиль детских стихов Л. Квитко.

Перец не считал сионистскую идею осуществимой и не верил в возможность возрождения иврита как живого языка. Тем не менее, он неоднократно выражал свою симпатию еврейским поселенцам в Эрец-Исраэль. На Черновицкой конференции по языку идиш (1908) Перец выступил с апологией иврита и резко возражал против проекта резолюции, объявлявшей идиш единственным национальным языком евреев.

Ицхок Лейбуш Перец умер в 1915 году в Варшаве.

МОЛИТВА

Даятель света, Боже красоты,
На Твой призыв от жизни к смертной тени
Я отойду без скорби и без песни,
Что кончены деянья и мечты;
Но пусть в тот миг Твоя рука благая,
Как бранный сук, меня не отвергая,
У рубежа моих земных забот
Красивую кончину мне пошлёт...

Я не ропщу, что Ты судил нам строго:
"Живя, Меня не узрит человек" —
Но я, незрячий, в мире видел много,
И на земле, где кроток смертный век,
Мой тёмный дух, упорно, хоть напрасно,
Раскрыть Твой лик стремился ежечасно...
Пусть быстро дни текут в немой черте —
Душа лишь жаждет смерти в красоте...

Мне хочется угаснуть молчаливо,
Как безмятежно гаснет ясный день
И по земле, где спит и луг и нива,
Лишь стелется прозрачный дым и тень
И в вещий час безмолвствующей дали,
Как зов любви, исполненный печали,
Средь неподвижно дремлющих ветвей
Слагает песню сердцу соловей —

Иль дай почить, как дремлет в листопаде,
Струя сквозь сон печальный шелест свой,
В стоцветных ризах, в царственном наряде,
Высокий ясень или дуб лесной —
Среди созвучий песни заунывной,
Что тихий ветер ширит беспрерывно
В полях земли, приявшей смерть в свой сад —
Безмолвие, час праха, листопада...

Перевод Ю. Балтрушайтиса

ХАД ГАДЬЯ

(Один козленок)

**Ребята, я вам сказочку
Хорошую припас:
Отец купил мне козлика
Не в добрый, видно, час.
Он беленького козлика
Красивого купил
И за него два грошика
Торговцу уплатил.
Хад гадья, хад гадья.**

**У нас в ту пору во дворе
Котяра злющий жил,
И он на утренней заре
Козлѐнка задушил.
На крик о помощи и шум
Пѣс сразу прибежал,
Увидев, что наделал кот,
Убийцу растерзал.
Хад гадья, хад гадья.**

**Дубинка мощная, узнав
Кого разделал пѣс,
Разбила голову ему,
Сказав: «Не твой вопрос!»
Дубинке молвил тут огонь:
«Тебе я не прошу,
Ты палка, глупая, тебя
Я в пепел превращу.
Хад гадья, хад гадья.**

Перевод А. Бергтейла

ЖДИ И ВЕРЬ!

**Жди! Весна — не за горами...
Мотылькам — опять резвиться!
Заливаться песней новой
В новых гнёздах новым птицам!**

**Верь, ночная мгла растает,
Вновь прозрачным станет воздух.
Снова плыть по новой сини
Новым солнцам, новым звёздам!**

**Новый мак, шиповник новый
Даль весеннюю встревожат.
Мёд, лучи и песня — всюду!
И — над нашим склепом тоже...**

1891

Перевод Н. Горской

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

КрадётсЯ к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.

Берёт трубу,
Трубит во всю мочь,
Проснулась ночь.
Все граждане — прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.
И меч
Говорит
Всю ночь.

Бой в каждом дому,
У каждых ворот.
— За мать, за жену!
— За край, за народ!

За право и вольность — кровавый бой,
Бог весть — умрём или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.

Не спавшему — честь!
Подавшему весть,
Что воры в дому, —
Честь стражу тому!

Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому —
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму.

1894
Перевод М. Цветаевой

КОШЕЧКА, НЕ ШЕБУРШИ...

**Кошечка, не шебурши!
Мышь, не шурши!
Мой ненаглядный
Уснул в тиши.**

**Телёнок-глупыш,
Что ты мычишь?
Может проснуться
В люльке малыш.**

**И ты, ветерок,
Не вей, не гуляй!
Проказник-щенок,
Молчи, не лай!**

**Слышишь? — Молчок!
Прикуси язычок!
Мальчик уснул,
Лёг на бочок.**

Перевод Н. Горской

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

(Подражание благочестивой песне)

**А ночь — просто чудо! Тиха, бестревожна!
Но бойтесь огня! Но с огнём — осторожно!
Без жара, без пылкости лишней!
Захлопните ставни и двери замкните,
Смежите ресницы и уши заткните,
Храпите, как учит всевышний.**

**А если не спится, внимайте затишью,
В затишье летают летучие мыши.
Как славно, как свято, как тихо!
Услышите крики, иль смех, или споры,
Иль стоны — не бойтесь, мы ходим дозором!
Мы вас охраняем от лиха.**

**Будь проклят, кто дрогнет, кто встанет с кровати,
Кто пламя зажжёт в очаге или схватит
Трубу и сыграет побудку!
Пусть в огненном пекле сгорают их души!
А здесь все костры мы потушим, потушим,
Мы смотрим, мы слушаем чутко!**

**Вы спите! Мы просим, мы к богу взываем
С молитвой — пусть туча придёт грозовая,
И небо, по воле господней,
В свинец превратится! О, сжался над нами,
Луну погаси ты и звёздное пламя,
И сразу вздохнём мы свободней!**

**Мы всех заклинаем, мы молим тревожно:
Огня берегитесь! С огнем — осторожно!
Ни звука! Ни смеха! Ни стона!
Ни свечки — в мозгу и в душе — ни зарницы!
Во мраке могильном лишь спать и молиться!
Мы, стражи,— бессонны, бессонны!**

Перевод Н. Горской

ЛОДОЧНИК

Вот и кончилась гроза,
Просветлели небеса.
Крыши мокрые блестят,
И ручьи бегут, журчат.
Всё бегут, бегут, бегут
Там и тут.

Лодку я пустил в ручей,
Парус я приладил к ней,
И на крыльях ветерка
Понеслась она, легка.

Ты в какие же края
Мчишься, лодочка моя?
Может быть, туда летишь,
Где цветение и тишь,
В край зелено-голубой?..
Так возьми меня с собой!

Перевод Л. Фрухтмана

* * *

**Будь я господь, я б нечестивца наказал
Особым наказаньем:
Все блага бы ему пообещал,
Потом — казнил бы ожиданьем!**

1894

Перевод Н. Горской

В БАГРЕЦ ОДЕТЫЙ КЛЁН

**Ещё стремится ввысь
В багрец одетый клён.
Но тучи пронеслись,
И сразу блекнет он.**

**В испуге ствол застыл,
Встречая зимний шквал;
И лист слезу пролил —
Я умер! Я увял!**

**Не долг зимний сон,
Придёт весна, и вдруг
Зазеленеет клён —
На радость всем вокруг!**

**А я? — вздохнул листок, —
Что станет со мной?.. —
Ответ зимы жесток:
Истлеешь ты весной!**

1894

Перевод Н. Горской

ГДЕ МЫШКА ЖИВЁТ

Спросил я мышку:
— Где твой домишко? —
И мышка молвила в ответ:
— Тебе открою я секрет!
Но только эту тайну
Не выдай кошке ты случайно, —
Она примчится — цап-царап!
А я боюсь когтистых лап,
Хоть я шустра, хоть я лукава!
Так, значит, так — ступай направо,
Левей потом, за уголком
Увидишь кринку с молоком;
Шажок вперёд, два шага вкось,
Полшага вкривь... Ты видишь, гость,
Вот эту дверочку в стене?
Она ведёт ко мне!
А вот и лесенка винтом!
Ступенька вниз и вверх потом,
Ступенька здесь, ступенька там,
Потом опять наискосок...
Согнись-ка лучше пополам,
Ведь дверь низка, а ты высок.

Перевод Н. Горской

ЭТЕЛЕ

Этел, Этеле, мой свет,
Что ты любишь и что — нет?
Растерялась наша Этя
И не знает, что ответить.

Впрочем, сам я дам ответ,
Что ей любо и что нет.

По утрам лежать в кровати —
Ах, как славно, ах, как сладко!
Если скажешь — время спать! —
Ненавистна ей кровать.

Леденцы ей очень любы,
Ей противно чистить зубы,
Грызть орешки ей не лень;
Умываться? — Через день!

Есть печенье — наслаждение,
А ученье? — Ох, мученье!
Гребешок?! — Чтоб он пропал!
Всё как будто я сказал...

Перевод Н. Горской

ТРИ ШВЕИ

Потухший взор, увядший рот,
На бледном лбу холодный пот,
Лицо — как выцветший лоскут.
Вдохнут, спины не разогнут —
Шьют три швеи, всё шьют да шьют!

Иголки блеск, полотен снег...
Твердит одна: — Просвета нет,
Я шью и шью, а дни летят,
Я шью — который год подряд,
Но к свадьбе не сошью наряд...

Меиру-чудотворцу я
Отдам пятак — пошли в мужья
Хоть престарелого вдовца,
Хоть многодетного отца —
Дожить бы только до венца!

Вторая молвит: — Шить, строчить...
Встрочить в косу седую нить...
В глазах темно, на сердце — мрак,
Стучит в висках — машине в такт —
Та-та-так-так, та-та-так-так!

Сказал мне некий молодец,
Зачем кольцо, зачем венец?
Гуляй, покуда молода!
А год пройдёт — и что тогда?..
Тогда — беда, тогда — беда!

И третья молвила швея:
— В чахотке я, ослепла я,
Что ни стежок — то тяжкий стон...
С другой сыграет свадьбу он!
Ему я не желаю зла.

**Любовь была, любовь ушла!..
Кагал мне саван даст льняной,
Кагал поплачет надо мной...
В земле я буду отдыхать —
Я буду спать, я буду спать!**

1895

Перевод Н. Горской

* * *

**Часто мнится мне —
Мы мертвы давно;
Даже горе нам
Лишь во снах дано.**

**Средь скорбей своих
Ищем мы судьбу,
Хоть давно мертвы
И лежим в гробу!**

Перевод Н. Горской